

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Декамерон
по-русски

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Декамерон по-русски

«ЭКСМО»

2012

Логунова Е. И.

Декамерон по-русски / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2012 — (Индия Кузнецова)

Сотрудница рекламного агентства Индия давно мечтала примерить на себя роль Шерлока Холмса, и наконец-то случилось счастье: частный детектив Эдик Розов попросил подежурить у него в офисе. Индия охотно заступила на вахту, и клиентка не заставила себя ждать! Правда, дамочка сразу хлопнула дверью, заявив, что сыск не женское дело. Совершенно напрасно она отказалась от помощи – вскоре «сыщица» разглядывала фотографии ее неживого тела... Обвинили в преступлении коллегу Индии Всеволода Полонского. Оказывается, взбалмошная гражданка сначала активно соблазняла Севу, а потом обвинила в домогательствах, вот на него и пало подозрение... Как ни крути, а от этого расследования Индии никуда не деться – оно само приплыло ей в руки!

© Логунова Е. И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Суббота	5
Понедельник	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Логунова

Декамерон по-русски

Суббота

1

Девушка была молодая, румяная и мясистая, с массивными коленками и выпуклыми икрами. Скандально известный фотограф Витя Завалишин грустно посмотрел на нее, вздохнул и с явной неохотой сделал несколько снимков.

Глянцевый журнал «Гламур тужур» ждал от Виктора фоторепортаж о торжественной церемонии вручения престижной дизайнерской премии. К большому огорчению Завалишина, находящегося в вечном поиске сенсационных кадров, мероприятие проходило тихо, мирно и скучно. Собственно вручение прошло без эксцессов, да и последующий фуршет не обещал перейти в бурный мордобой.

– Типичная телка! – со вздохом сказал разочарованный Витя, посмотрев на свою случайную модель.

Ее ярко-красные босоножки на платформе напоминали наманикюренные копыта и смотрелись в тему. Ситцевая блузка с трудом сдерживала напор мощных грудей, составляющих монолитную конструкцию с крепким бюстгалтером. Красивое лицо портили слишком ранний второй подбородок и искусственная улыбка, однако девушка не сомневалась в своей привлекательности.

Она села на видном месте и забросила ногу на ногу, уложив ее горизонтально, печатной буквой «Г». Жесткая ткань короткой юбки встопорщилась, открыв пикантный вид на внутренний мир красавицы. Она грозно хмурилась на громкий стук чужих каблуков и производила частые хлопки покрашенными ресницами, семафоря ими знакомым.

Наблюдать за ней было забавнее, чем за редкой зверушкой в зоопарке.

– Это кто? – спросила я.

– Не знаю. Чья-то любовница, – с нетипичным для него безразличием ответил Зяма.

Девушка, явившаяся на торжественный прием в короткой джинсовой юбке, колхозной кофточке и дешевых украшениях, для моего стильного брата не существовала.

– Ей надо поменять спонсора, – поправив тонкими пальчиками бриллиантовую сережку в ушке, сочувственно сказала добрая Аллочка Трошкина. – Очевидно, что он ее плохо содержит!

Девушка словно почувствовала, что мы говорим о ней, не меняя позы, развернулась на стуле на тридцать градусов и гостеприимно ориентировала свой внутренний мир точно на красавца Зяму.

– Она уже хочет, – разомкнув каменные уста, веско обронил дотоле молчавший капитан Кулебякин.

– Чур меня, чур! – скривив губы, размашисто перекрестился мой взыскательный брат.

– Фи, – сморщила носик Трошкина.

– Она уже хочет его поменять, – невозмутимо закончил фразу Кулебякин. – У нее на лбу написано: «Возьмите меня кто-нибудь замуж, и побыстрее!»

– Можно здесь и сейчас, – съязвила Трошкина.

Она перестала быть доброй, как только поняла, что красавица положила глаз на ее любимого Зямочку.

Уже без приязни оглядев пышнотелую деву, Алка брюзгливо сказала:

– Этой особе надо очень, очень спешить: через год она будет весить на три килограмма больше, через два года – уже на шесть, а через три – на девять.

– А через двадцать лет умрет от ожирения? – усомнилась я, максимально развив подруж-кин прогноз.

Мясистая красавица не вызывала у меня симпатии, но ничего плохого я ей не желала. Пока не желала. До тех пор, пока она не топорщила свой джинсовый кринолин в сторону моего собственного жениха.

К нашему общему счастью, Кулебякин ее не заинтересовал. Девушке по доброй воле составил компанию немолодой господин в потертых вельветовых штанах и мешковатом пиджаке. Сильно поддаты джентльмен был слегка небрит, давно не стрижен и на первый взгляд производил впечатление умеренно интеллигентного пропойцы из бывших партайгеноссе. Однако на его отвисшем вельветовом задку красовался лейбл модной фирмы, а на запястье поблескивали дорогие золотые часы.

– А это кто? – повторила я свой вопрос.

– Где? Возле «Девушки с веслом»?

Алка, оценив Зямину меткую характеристику представленного нам на беспрепятствен-ное обозрение устаревшего типа женской красоты, одобрительно хихикнула и ответила мне:

– Это Эл Гэ.

– А-а-а! – протянула я, рассматривая упомянутого господина с новым интересом.

Леонтий Голяков по прозвищу Эл Гэ был на сегодняшнем мероприятии наиважней-шим ВИПом. Как главный редактор самого авторитетного в стране художественного журнала «Живописец» и особа, приближенная к правящим кругам, он был ангажирован организато-рами южнороссийского фестиваля дизайнерского искусства в председатели жюри.

Я вспомнила, что официальная биография Эл Гэ объясняет величие и мощь его таланта длиной и крепостью крестьянских корней, и понимающе кивнула. Судя по мутно-сосредото-ченному взгляду, который Голяков устремил на могучую грудь Девушки-с-веслом, его кре-стьянские корни жаждали прильнуть к истокам. Истоки, взволнованно вздымающиеся под цве-тастым ситцем, трепетали в ожидании.

Однако обстановка в зале была далека от интимной: фуршет, начавшийся после офи-циальной церемонии награждения, как раз достиг максимального размаха. В зал выкатили тележку с пирамидой из ледяных стаканчиков с водкой и выпустили официантов с хрусталь-ными вазочками, наполненными красной икрой. Девушка-без-весла прихватилизировала одну плошку и трогательно кормила Эл Гэ икрой с ложечки.

– Отличная идея, надо взять на вооружение! – похвалила организаторов Трошкина. – Вместо того чтобы утомительно строгать и намазывать изящные бутерброды, выдаешь народу лоханки с икрой и потом с чистой совестью хвастаешь, что на твоём празднике гости ели дели-катес ложками!

– Что вообще-то очень неудобно, – досадливо заметил Зяма, уронив несколько янтарных икринок себе на пиджак. – Лично я предпочел бы готовое к употреблению канапе!

– Я смотрю, отчие гены отдыхают! – ехидно заметила я.

Наш с Зямой отче, знатный кулинар-изобретатель, в неиссякаемом порыве страсти к любимому делу единолично оккупировал кухню и до предела развратил всех членов семьи. Вот, Зяма уже и бутерброд себе соорудить не может!

– Давай я сделаю! – Алка бросилась помогать любимому. – Инка, поддержи!

Она сунула мне в руки полученный Зямой приз и побежала догонять официанта с икор-ной лоханкой.

– Дай посмотреть! – Неизбалованный милиционер Кулебякин, благополучно расправив-шийся с икрой без посторонней помощи, забрал у меня статуэтку. – Вот фигня так фигня!

– Тише! – одернула я своего некультурного и простодушного мента. – Это не «фигня-фигня», а почетная награда лауреата дизайнерской премии «Белый Клык»!

– Что белый, то точно, – согласился Денис. – А вот насчет клыка я очень сильно сомневаюсь. Я в этой жизни немало зубов разным гадам выбил и ни у кого не видел клыков граненых, как стакан!

Я промолчала. Лично мне ребристая фарфоровая призма на выпуклом круглом основании подозрительно напоминала крышку от сахарницы или чайничка. Зная изобретательность наших людей, я бы не удивилась, узнав, что организаторы конкурса пустили на призы некомплектные фрагменты сервизов. Тем более что обаятельный ведущий перед вручением наград особо акцентировал внимание публики на том обстоятельстве, что в нашем крае недавно закрылся единственный фарфорово-фаянсовый завод. Это заявление запредельно повысило в глазах собравшихся ценность призовых крышек.

– Впрочем, Зяма все равно молодец, – пошел на попятный Кулебякин, не выдержав моего укоризненного молчания. – Приз дурацкий, но работа хорошая. Нам с Барклаем очень нравится!

– Еще бы вам не нравилось! – хмыкнула я.

В оформлении упаковки собачьего корма, за которую ему вручили сомнительный «Белый Клык», Зяма использовал прекрасное портретное фото любимого бассета Дениса. Барклашка на картинке получился как живой! Хотя живой он на дух не переносит собачьи сухари, предпочитая им мясные котлеты моего папули.

– Слушай, может, мы уже пойдем отсюда?! – искательно оглядевшись и не найдя в поле зрения ничего интересного в смысле провизии, взмолился Денис. – Кушать хочется, я с утра без еды, а тут икрой подразнили, а борщеца с котлеткой фиг дадут...

– Может, в украинский ресторанчик? – предложила я, оценив тоску в голосе любимого.

– Да! – с жаром вскричал он.

Расталкивая кучкующихся в обеденном зале граждан, мы пробились к выходу, и там, уже в дверях, тревожно запел Денискин телефон.

– Ну, начинается! – пробормотала я.

По опыту знаю: если субботним вечером в разгар веселой пирушки или шумного праздника моему милому кто-то звонит, то этот «кто-то», сто процентов, окажется его коллегой, да еще старшим по званию. Телефонный разговор будет коротким и, скорее всего, повлечет за собой мое досрочное расставание с любимым, который умчится прочь, в ночь, по неотложным служебным делам.

– Капитан Кулебякин, – мрачно ответил Денис, не хуже меня осознающий печальные перспективы. – Так точно. Где? Ясно. Еду.

Мой капитан выключил мобильный телефон и посмотрел на меня с таким несчастным видом, что я не нашла в себе сил на вполне уместную ругань.

– Погибла жена Пороховщикова, – объяснил он. – Все начальство наше уже на ушах. Надо бежать.

Я кивнула, и Денис убежал, чтобы принять ту же позицию, что и его начальство, едва я отклеилась от его рукава.

Жорик Пороховщиков – человек в нашем городе известный, а в милицеских кругах еще и популярный. Он владелец сети бань и саун, куда Денискины коллеги заглядывают по поводу и без такового, имея множество льгот и скидок на обслуживание, что бы за этим словом ни стояло. Я бдительно слежу за тем, чтобы мой капитан не принимал участия в этих банно-прачечных тусовках. Знаю я, чем они там занимаются, не маленькая! На месте милицеских жен я давно уже убила бы самого Жорика Пороховщикова.

– Ох!

Получив локтем в бок, я отшатнулась от дверного проема, и в него вылетела скрюченная фигура в вельветовых брюках и потертом пиджаке. Фасонистая металлическая блямба на отключенном задку блеснула мне в глаза, и я с удивлением узнала в драчливом бегуне почтеннейшего супер-ВИПа.

«Это же Эл Гэ! – оживился мой внутренний голос. – Куда это он так торопится?»

Я услышала гулкий хлопок и выглянула в фойе. Дверь мужского туалета еще вибрировала, рискуя обронить с себя чеканное изображение писающего мальчика.

– Ох!

Второй тычок в подреберье пробудил в моей душе самые темные силы.

– Ты, кор-рова! – бешено прорычала я вслед косолапой телке в джинсовой юбке.

Не обращая на меня никакого внимания, она тоже промчалась к мужскому туалету и остановилась под дверью, трагически заламывая пухлые руки в ямочках. Вульгарные красные копыта топтали зеленый резиновый коврик, как луговую травку.

– Леонтий Степанович! О, Леонтий Степанович! – со слезой в голосе причитала дева.

– А, вот ты где! – Рядом со мной возникла разругавшаяся Алка Трошкина.

С одной стороны ее держал под ручку мой братец, с другой присоседился Зямин приятель Витька Завалишин, наш местный фотоохотник за знаменитостями.

– Что за шум, а драки нет? – живо заинтересовался происходящим папарацци.

– Кажется, Эл Гэ поплохело от халявной икры! – злорадно объяснила я, кивнув на дверь туалета.

– Бедный Эл Гэ! – посочувствовала добрячка Трошкина.

– Как интересно! – хищно улыбнулся Завалишин.

Он моментально отпустил Алкину ручку и зашагал к туалету, на ходу расчехляя свой фотоаппарат.

– Вот теперь действительно бедный Эл Гэ! – усмехнулся Зяма.

Я попробовала представить, как чувствует себя человек, героически сражающийся с желудочными спазмами на последнем рубеже унитаза общественной уборной, под нацеленным на него объективом фотокамеры... И поежилась. У меня бы диарея сразу же осложнилась сердечным приступом!

Мы немного подождали протестующих и гневных криков, а также хрустального звона разбитой оптики, но их не последовало. Через пару минут Витька выглянул из сортира и деловито позвал:

– Ребята, звякните кто-нибудь в «Скорую»!

– Эл Гэ разбил инфаркт? – обоснованно предположила я.

– А фиг его знает! – Витька пожал плечами. – Я не медик!

Медики прибыли по вызову минут через пять. Из туалета ВИП-гостя вынесли на носилках, с головой накрыв его простыней.

– Он умер?! – испугалась Алка.

– Еще живой, – мимоходом успокоил ее один из санитаров.

– От поноса еще никто не умирал, – профессионально безразлично добавил второй.

– А простынка – это чтобы сохранить инкогнито! – ухмыльнулся Завалишин.

Улыбочка у него была довольная, как у сытого волка. Можно было не сомневаться, что наш папарацци нащелкал достаточно сенсационных и компрометирующих снимков. И никакой простынкой инкогнито уже не спасти.

Теперь уже и я сказала:

– Бедный Эл Гэ!

У распахнутой двери сортира грустно хныкала, размазывая по лицу помаду и тушь, невестребованная Девушка-с-веслом.

Каюсь, в тот момент я порадовалась, что не только у меня приятный субботний вечер внезапно оказался испорченным.

Понедельник

2

Некоторым людям не стоило бы увлекаться диетами. Особенно если сила воли у этих людей имеет характер урагана, который налетает редко, но зато с сокрушительной силой. Такие люди в субботу вечером объедаются жареной свининой и жирными тортами, в воскресенье мучаются изжогой и угрызениями совести, а с девяти утра в понедельник (сразу же после плотного завтрака) начинают новую жизнь и садятся на строгую диету.

Уже к обеденному перерыву таким людям становится ясно, что сидеть на канцелярской кнопке, сапожном гвозде или пороховой бочке им было бы гораздо комфортнее, чем на диете. Однако ураганная воля могучими заклинаниями типа «Мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть!» заглушает голос разума и урчание желудка.

День проходит в борьбе со здоровыми инстинктами и заканчивается в кровати, куда измученный диетик заползает в неосознанной надежде увидеть во сне легендарное пиршество Лукулла или хотя бы вчерашний бутерброд с колбасой.

Во мраке ночи ураганная сила воли постепенно ослабевает и окончательно иссякает перед рассветом, который застает страдальца перед распахнутым холодильником, в глубоком поклоне над нижней полкой, где с позавчерашнего дня стояла в полном забвении кастрюля с холодным борщом. В одной руке блаженно улыбающегося экс-диетика объединенная мозговая кость со следами яростных укусов, в другой – большая ложка, а под ногами – пестрая куча разорванных оберток от продуктов, помещавшихся на двух верхних полках и трех боковых. При этом румянец побледневшим было щекам доброго едока придает главным образом розовый свет восходящего солнца и лишь в малой степени – угрызения совести, отродясь не имевшей ураганной силы.

Затем диетоотступник совершенно сознательно пускается во все тяжкие. За три чаепития в офисе он истребляет недельный запас сахара, нагло вынуждает совестливых товарищей к преломлению хлебов и пирожных притворно невинным вопросом: «А что это у тебя? Так вкусно пахнет!» – и мимоходом бросает в рот каждую калорию, попадающуюся ему на жизненном пути. Эта продовольственная вакханалия продолжается до тех пор, пока обжора вдруг не заметит, что ему стало тесно в зеркальной поверхности трехстворчатого платяного шкафа. Тогда волосы его встают дыбом, поднятые ужасом и первым порывом вновь просыпающейся ураганной воли.

В углубляющемся раскаянии бедняга густо посыпает голову пеплом, щедро умащивает тело кремом для расщепления подкожного жира и долго, до появления одышки, прыгает через скакалку, демонстрируя большое сходство с цирковым гиппопотамом. Он натирает мозоли на подошвах педалями велотренажера, плотно оклеивает пластырем «Плоский животик» то место, где у других бывает талия, и сотрясается от горьких рыданий на весах. Ночью в тревожном сне он видит ужасы неудачной липосакции, и утро следующего дня знаменуется приходом нового урагана.

Это повторяется с регулярностью, способной посрамить метроном. В маятниковом метании от голодания к обжорству случается лишь краткий миг равновесия, в котором морально неустойчивая личность вынужденно пребывает в момент расстройств желудка, непосредственно сидя на унитазе. Что характерно, работать за эту личность в сей кризисный момент приходится кому-то другому, совершенно свободному от диетическим закидонов!

Доведя свой гневный мысленный монолог до этого заключения, я с горечью произнесла вслух:

– Индия Кузнецова, доброта тебя погубит!

– «Доброта погубит Индию» звучит почти так же внушительно, как «Красота спасет мир»! Только гораздо менее позитивно, – хихикнула Алка Трошкина, запихивая в рот ореховый кекс.

Именно вкусный свежий кекс задержал нас с Алкой в кабинете Эдуарда Розова вчетверо дольше, чем на пять минут, о которых он просил.

Эд заглянул из коридора в офис рекламного агентства, где постоянно тружусь я и периодически скуки ради подрабатывает Трошкина, как раз в тот момент, когда мы с подружкой разливали по чашкам свежесваренный чай. Бритая под машинку голова возникла на уровне дверной ручки, что позволяло предположить: ее владелец перемещается по коридору либо в низком приседе, либо на четвереньках. В любом случае зрелище должно было впечатлять. Розов весит сто сорок кило и в виде Человека Прямоходящего похож на дирижабль, поставленный на попа. В образе Зверя На-четвереньках-бегущего я Эдика прежде не видела. Думаю, слоны и бегемоты рядом с ним смотрелись бы тускло.

– Де-е-евочки! – проблеял Эд, страдальчески кривя толстощеку физиономию. – Посидите у меня кто-нибудь пять минут! Вдруг клиент, а у меня живот прихватило!

Он не дождался ответа и с громким слоновье-бегемотовым топотом унесся в направлении мужского туалета.

– Ладно уж, пойдем, что ли? Покараулим Эдькину лавочку, – предложила я Алке и первой вышла из-за стола, не забыв прихватить чашку с чаем.

Эдик выбрал правильный момент для оглашения своей просьбы. У нас в офисе как раз закончились запасы печенья и пряников, а пить чай «без ничего» я не люблю. У Эда же вполне могло найтись что-нибудь вкусенькое.

Беглый осмотр мини-бара, замаскированного под сейф и даже снабженного наклейкой «Документы особой важности. В случае пожара выносить в первую очередь!», показал, что Розов переживает стадию разнузданного обжорства. Никакого тебе однопроцентного кефира, зерновых хлебцев и постной гречневой каши! Холодильник был забит сливочными йогуртами, колбасными нарезками, замороженными гамбургерами и высококалорийными десертами.

Мы с Трошкиной выбрали ореховый кекс и с максимальным удобством устроились в гостях у отсутствующего Эда. В смысле площади офис у него очень скромный, а по части интерьера и вовсе затрапезный, хотя сегодня Розов внес в него элемент праздничного убранства – большую золоченую клетку со здоровенным попугаем по имени Кортес.

Попугай у Эда роскошный – полуметрового роста, ярко-зеленый, с широким розовым ожерельем на шее, черным галстуком и красными пятнами на крыльях. Он умеет разговаривать на четырех языках и при этом шикарно грассирует. Обычно Эдькин попугай не принимает участия в сыскных делах, но с утра заботливый хозяин возил его к ветеринару на профилактический осмотр, а потом не успел вернуть домой и приволок питомца в контору, чем здорово порадовал офисный люд. Всем страшно захотелось посмотреть на редкую птицу, так что с утра к Эдику в кабинет народ валил, точно на поклон к чудотворной иконе.

А чуть позже Розов даже получил особое приглашение посетить с визитом директора закрытого НИИ на четвертом этаже. Руководителя «Гирогипредбеда» (подчиненные с благоговейным трепетом именуют его «Сам Сидоров»), видите ли, особо заинтересовал тот факт, что Кортес умеет лопотать по-испански – ученый директор, оказывается, и сам знает язык Сервантеса, мало распространенный в наших широтах. Упустить редкий случай попрактиковаться в разговорном испанском с пернатым носителем языка он, конечно, не мог. Попугай, правда, на испанском ругался, как пьяный конкистадор, но даже по матерным выражениям Сам Сидоров оценил произношение Кортеса как безупречное.

Об этом Розов горделиво поведал нам за вторым завтраком в «МБС» заодно со свежими институтскими сплетнями, в хит-параде которых нынче лидировали внезапно обнаружившаяся беременность незамужней секретарши заместителя директора (в институтском фольклоре – «Зам-Сама»), скандальное увольнение ведущего программиста Мучкина («Мучача») и пугающий слух о том, что нашу вахтершу госпитализировали с каким-то нечеловеческим гриппом – то ли птичьим, то ли свиным, то ли козым.

Оклеветанная вахтерша, которая просто опоздала на работу, самолично прошла по этажам с целью развеять пугающий слухок уже позже, в обеденное время. Да и беременная секретарша приходила – вся зареванная и глубоко обиженная несправедливым мироустройством на отдельно взятой планете...

Кого у нас только не было в этот день! Цитируя классика, «все промелькнули перед нами, все побывали тут»! За исключением разве что драгунов и уланов, которых мы, впрочем, тоже приняли бы тепло и сердечно...

Да, пожалуй, Бронич не так уж неправ, ругая наш дружный рекламный коллектив за то, что мы последовательно и результативно превращаем офис агентства в кабинет психологической разгрузки и притом (что возмущает шефа больше всего) не берем за это денег.

Зато мы в избытке получаем от гостей разнообразную информацию и положительные эмоции. Эдькин попугай, к примеру, в одно мгновение улучшил настроение Сашке Баринову, отреагировав на упоминание его имени нежным немецкоязычным клекотом: «Либер Сашхен!»

Но в Эдькином микроскопическом офисе попугай смотрелся неуместным излишеством. Хозяин вынужден был поставить клетку с Кортесом на шкаф, более подходящего места не нашлось. В двенадцатиметровой комнатке с трудом помещаются письменный стол, два кресла, гардероб, замаскированный под шкаф для документов, холодильник, притворяющийся сейфом, и микроволновка, конспиративно накрытая большой картонной коробкой с яркой наклейкой «Раскрытые дела-2008».

Написанному, как это часто случается, верить не следует. В две тысячи восьмом году, насколько мне известно, частный детектив Розов был тихим, мирным соискателем кандидатской степени по юриспруденции. Он вел часы на кафедре какого-то сибирского университета и раскрывал не дела, а студенческие зачетки, да и то лишь изредка. Не ведаю, какой нервный взбрык судьбы забросил Эда в наши южные широты, но что его агентство частного сыска «Пинкертон» существует меньше года, я знаю точно.

В конце декабря, когда в нашем многоэтажном офисном здании освободилось от годовой аренды несколько помещений, в качестве потенциального съемщика одного из них к нам в «МБС» заглянул Эдик Розов. Помню, его интересовали плотность клиентопотока, близость общественного транспорта, доступность парковки и скорость местного Интернета.

Мы с девочками приняли гостя любезно, ответили на все его вопросы и даже напоили чаем с тремя видами свежих пирожных. Подозреваю, что именно последнее обстоятельство оказалось для Эда решающим. Он снял помещение по соседству с нашим гостеприимным офисом и завел обыкновение ходить к нам на чай.

Помню, даже название для его агентства мы придумывали сообща, за вторым завтраком у нас в «МБС».

– Я хотел бы назвать свою фирму по имени какого-нибудь прославленного сыщика, – застенчиво кушая пятое по счету пирожное, сказал Розов. – Мне кажется, что для клиента это будет звучать доходчиво и привлекательно. А вы как думаете?

– Я думаю, что тебе идеально подойдет «Ниро Вульф», – предложил эрудированный, но бестактный креатор Сева Полонский, вдыхая аромат зеленого чая без сахара.

– Стыдитесь, Всеволод! – взмахнув шоколадным батончиком, отчитала его наша бухгалтерша Зоя Липовецкая. – Если вам лично повезло с телосложением, это не повод насмехаться над людьми, которых природа незаслуженно обидела!

«Незаслуженно» обиженный природой обжора Розов затряс подбородками, часто кивая в знак полного согласия со словами добренькой и пухленькой бухгалтерши.

– А как еще? – иронично прищурился Сева. – «Шерлок Холмс» – это слишком банально, и потом, в нашем городе уже есть охранное агентство «Шерлок». «Мисс Марпл» и «Агата Кристи» тоже не годятся – ты, Эдик, не того пола.

– А жаль, – пробормотал себе под нос второй копирайтер Сашка Баринов, представляющий в нашем офисе сексуальное меньшинство, которое обязательно должно быть в каждом уважающем себя рекламном агентстве.

– И потом, в нашей стране уже есть музыкальная группа «Агата Кристи», – напомнила я. – Эдик, может, ты возьмешь название «Патер Браун»?

– Этот герой недостаточно популярен, – с грустью возразил мне Розов. – А слово «патер» непременно собьет людей с толку. Они будут думать, что я представляю захудалую религиозную секту!

– Тогда, может, «Коломбо»? – вспомнила Зоя кинематографическую классику.

– Это имя в переводе означает «голубка»! – напомнил полиглот Полонский. – Люди будут думать, что Эдик представляет местное отделение партии пацифистов.

– «Эдгар По»! – придумала я. – Эдик – это ведь почти Эдгар, если имена сократить!

– А «По» – это почти «попа», если сократить и ее! – съязвил остроумный, но злой Полонский.

– К сожалению, ее сократить почему-то никак не получается, – смущенно пожаловался Эдик, через плечо поглядев на свою тыльную часть в зеркало.

– Не слушай их, Эдичка, ты и так очень милый! Назови свою контору «Жеглов и Шаропов», – предложил Баринов, склонный комплектовать однополые пары.

– У меня нет компаньона, – возразил Розов.

– А я знаю, знаю! – Зоя захлопала в ладоши. – Пусть будет агентство «Пинкертон»! Простенько и со вкусом.

– Простенько?! Да нет же! Это не простенько, это гениальненько! – вскричал темпераментный Полонский. – Именно то, что надо! Ведь «пинк» по-английский как раз означает «розовый». Розов – Пинкертон. Какая тонкая игра слов!

– Пожалуй, «пинк» – это хорошая находка. Но что по-английски означает «ертон», не подскажете ли? – опасливо спросил неанглоязычный Эдик.

Я быстренько залезла в Интернет на «Мультитран» и услужливо подсказала:

– «ER» – это сокращенное «Emergency Room», то есть «пункт первой помощи».

– Пожалуй, это мне подходит, – обрадовался Розов. – Пусть клиенты со всех ног бегут ко мне за первой детективной помощью!

– А «ton» – это «тонна», – закончила я.

– И это тебе, Эдик, тоже подходит! – засмеялся бестактный Полонский. – В целом получается симпатичный ребус: pink-ER-ton! В очень приблизительном переводе – «пункт скорой детективной помощи тяжеловеса Розова»! По-моему, просто замечательно!

– Я еще подумая, – сказал слегка обиженный тяжеловес.

Но ничего лучшего он придумать не смог, и вскоре на свежеекрашенной двери по соседству с нашим офисом появилась новенькая табличка с золотой надписью «PINK-ER-TON».

– Знаешь, а ведь это «er-ton» можно еще расшифровать как «error ton» – «неправильный стиль», – впервые увидев эту табличку, выступила с запоздалой критикой англоманка Трошкина. – А это как-то нехорошо характеризует детективную манеру Розова!

– Не все же такие умные, как ты! – отбрила тогда я, втайне досадуя, что и я не столь умна, раз не заметила скрытого подвоха.

За три месяца с момента полуторжественного открытия агентство «Пинкертон» не захватило лидерство на местном рынке детективных услуг, но и не разорилось. Эдик Розов перио-

дически отравлял нам дежурные посиделки за чаем жалобами на кризис жанра, однако какие-то дела у него все-таки были. Тем не менее я сомневалась, что за время отсутствия Эда с его большим животом в офисе случится массовый наплыв клиентов. Я вообще не предполагала принимать посетителей – и, как выяснилось, напрасно!

Уже на стадии зачистки своего блюдечка от последних крошек вкусного кекса Алка Трошкина начала взволнованно вздыхать и ерзать в кресле.

Сначала я подумала, что у нее тоже внезапно расстроился желудок, и встревоженно прислушалась к собственным ощущениям. Однако моя пищеварительная система посылала в мозг исключительно импульсы удовольствия. Тогда я вспомнила, что орехи считаются продуктом, усиливающим половое влечение (правда, вроде бы только у мужчин), и присмотрелась к возбужденной Трошкиной с новым подозрением. Перехватив мой вопросительный взгляд, она извиняющимся тоном сказала:

– Все, Кузнецова, я так больше не могу. Пойду найду какого-нибудь мужика...

«М-да, определенно влияние орехового кекса на женский организм еще недостаточно изучено!» – веско вставил в образовавшуюся паузу мой внутренний голос.

– Найду-ка я какого-нибудь мужика и попрошу его сходить в мужской туалет, провести Эдика, – договорила Алка, вставая. – Уже целых двадцать минут прошло, по-моему, это слишком долго для простого желудочного расстройства. Мне кажется, уже пора принимать врачебные меры.

Я еще не успела прикончить свою порцию кекса, поэтому ответила подружке молчаливым кивком, и Трошкина ушла.

Я посмотрела на Эдькиного попугая, проглотила кусок кекса и из вежливости спросила:

– Чай будешь?

– Файф-о-клок! Файф-о-клок! Файф-о-клок! – возбужденно заорал попугай по-английски.

Я поставила в птичью клетку свое блюдо с крошками, но ара не стал их клевать и еще некоторое время назойливо орал про файф-о-клок. Я предположила, что у англоязычной птицы классический британский режим питания, так что раньше пяти часов он к своему чаю не приступит, подлила Кортесу в чашку водички и вернулась за стол.

От нечего делать я включила Эдькин компьютер, прогнала прочь полуголую деваху, идеально вписавшуюся в прямоугольный экран благодаря неприличной коленно-локтевой позе, и пошла знакомиться с новостями дня.

В топ-тройке Газеты.ру лидировало сообщение под заголовком: «Летучие мыши напали в подъезде на семью москвичей». Лента.ру настойчиво информировала читателей о том, что Путин признал аморальность пакта Молотова – Риббентропа. Про летучих мышей мне было интереснее, хотя бы потому, что с Молотовым и Риббентропом (спасибо Путину) уже все стало ясно, тогда как поединок семейства московских граждан с соплеменными им нетопырями представлялся делом непредсказуемым.

Я подвела курсор нелетучей компьютерной мышки к нужному заголовку, но нажать на него не успела, отвлеченная деликатным стуком в дверь.

– Открыто! – крикнула я, совсем забыв, что сижу в чужом кабинете.

– Здравствуйте! – мелодично произнес приятный женский голос. – Можно войти?

– Конечно! – ответила я, сожалея, что не могу ответить категорическим отказом.

Эдик ведь попросил нас постеречь его офис именно на случай появления клиентов. Правда, он не сказал, что мне с этими клиентами делать.

«Держать и не пущать!» – посоветовал мой мудрый внутренний голос. – Авось сыщик Розов не просочился на сорок лье в канализацию и скоро вернется».

– Присаживайтесь, – пригласила я милую даму и перегнулась через стол, чтобы убрать с глаз Алкин чайный прибор.

Тут же мне пришло в голову, что этот момент можно использовать для ненавязчивой рекламы Эдькиного полудохлого заведения, и я с улыбкой сказала:

– Простите, сегодня так много клиентов, что я не успеваю приборы менять! Вам чай, кофе?

– Спасибо, ничего не надо, – ответила гостя, опускаясь в кресло, столь своевременно освобожденное Трошкиной. – Когда я нервничаю, я не могу ни пить, ни есть.

– Видимо, вы часто нервничаете! – брякнула я.

Посетительница была невысокой, худенькой и бледной, как жертва хронического недоедания. При этом малообеспеченной она не выглядела. Наметанным глазом я отметила высокое качество модной одежды и обуви (сто пудов, с последней распродажи в Милане!) и решила, что клиентку Эду бог послал вполне платежеспособную.

– Меня зовут Алиса, – сказала гостя.

– А меня...

Я запнулась.

Спешить не стоило. Если я прямо и честно представлюсь копирайтером рекламного агентства «МБС» Индией Кузнецовой, у Алисы возникнет закономерный вопрос: а что это уважаемая рекламищица Кузнецова делает в офисе детектива Розова, по-хозяйски сидя за единственным рабочим столом?

«Да, пожалуй, так ты скомпрометируешь Эдуарда как серьезного специалиста, которому приличная дама вполне может доверить свою деликатную проблему», – вновь вполне резонно высказался мой внутренний голос.

– А я Наталья, – находчиво соврала я. – Можно просто Ната. Просто Ната Пинкертон!

«Проще некуда», – хмыкнул мой внутренний голос.

– Очень приятно, – нахмуренный лоб Алисы разгладился.

Видимо, личность фигуристой блондинки, по-свойски развалившейся в кресле, все-таки внушала ей сомнения.

– Так я вас слушаю, – осмелев, напомнила я.

– Да, да. Я...

Тут дверь распахнулась, пропуская в кабинет запыхавшуюся Алку Трошкину. Такой румяной и растрепанной я ее видела только в десятом классе средней школы после кросса на два километра, который едва не убил нас обеих.

– И...

Подруга явно намеревалась с разбегу обратиться ко мне по имени, но вовремя заметила посетительницу и стушевалась:

– И-извините...

– Это вы меня простите, уважаемая, у меня сегодня так много посетителей, что периодически образуется очередь! – вежливо извинилась я, подмигнув Алке, чтобы она поняла, что это я так конспирируюсь. – Пожалуйста, немного подождите в коридоре или подойдите через полчаса.

Я повернулась к Алисе и спросила:

– Мы ведь управимся с вами за полчаса?

– Не уверена! – поджала губы клиентка. – У меня очень серьезное дело. Вопрос жизни и смерти!

– Куэстьен де вида о муэр-р-рте! – зловеще гаркнул болтливый попугай со шкафа.

Алиса вздрогнула и посмотрела на ранее незамеченного ею пернатого с суеверным ужасом.

– Тогда через сорок минут, пожалуйста! – приветливо улыбнулась я «клиентке» Трошкиной.

– Да, да, конечно, – пробормотала она и отступила в коридор.

Дверь закрылась.

– Говорите, вопрос жизни и смерти? – показательно посерьезнев, вновь обратилась я к Алисе.

– Куэстьен де вида о муэрте! – повторил Кортес.

– Не каркай! – Я погрозила пернатому полиглоту пальцем и снова обратилась к посетительнице: – Чьей именно жизни и смерти, если не секрет?

– Моей, – просто ответила она, после чего неожиданно звучно шмыгнула носом и горько разревелась.

Я подвинула к ней стопочку бумажных салфеток, которую мы с Алкой предусмотрительно (хотя и с другой целью) принесли из нашего офиса вместе с чайными приборами. Алиса признательно всхрюкнула и бурно зарыдала в салфетку. Я поняла, что никакими промокашками этот поток горючих слез не остановить, и налила плаксе водички. Вернее, холодной пепсиколы из початой бутылки, которая нашлась в холодильном «сейфе» Эдика.

– Ой! Что это?! – севшим голосом спросила Алиса, залпом выпив стакан газировки и схватившись за горло.

Я понюхала бутылку, которую еще не успела закрыть, и поняла, что конспирация у Эдика тотальная. Судя по запаху, в бутылке с невинной наклейкой помещался смешанный с пепси коньяк.

– Это наш фирменный антистрессовый коктейль «Пинкер-тоник»! – не шевельнув бровью, находчиво объяснила я. – Мы держим его для клиентов с особенно тонкой душевной организацией. Не беспокойтесь, вам не придется платить за выпивку, это угощение за счет заведения.

– У меня достаточно денег, чтобы заплатить и за коктейль, и за ваши детективные услуги! – неожиданно обиделась дама. – Я вам не нищенка какая-нибудь!

– Да? А кто вы нам? – очень дружелюбно спросила я, положив подбородок в ладонку. Не люблю неблагодарных и заносчивых!

Алиса оказалась еще и непоследовательной. Она покраснела и встала:

– Знаете, я, пожалуй, пойду. Я вижу, что с вами мы общего языка не найдем!

– Может, все-таки поищем?

– Нет! – отрубил странная женщина.

Она в два шага достигла двери, распахнула ее и с порога высокомерно бросила через плечо:

– Я всегда считала, что сыск – это не женское дело!

– Я тоже! – вполголоса призналась я, свинчивая крышечку с горлышка пепсикольной бутылки. – И это мнение отличает нас с вами от миллионов поклонниц Дарьи Донцовой!

Я пожала плечами, заглушила удаляющийся стук чужих каблучков бульканьем антистрессового коктейля и прислушалась к своему внутреннему голосу. Он укоризненно молчал. Попугай тоже затих.

– Если я и перегнула палку, то лишь самую малость! – оправдываясь, с легким вызовом сказала я. – Эта Алиса такая нервная, что ее может вывести из себя любой пустяк!

«Из себя – ладно, плохо, что этот твой пустяк вывел ее из кабинета Эдика! – заметил внутренний голос. И тут же перешел к прямым упрекам: – Попросили же тебя как человека – постереги кабинет!»

– Кабинет никуда и не убежал! – рассердилась я.

На самом деле мне было стыдно. Я за здорово живешь обидела больную на голову дамочку и лишила клиента хвораго животом Эдика. Как ни посмотри, гордиться было нечем.

Я сокрушенно вздохнула, и мое дыхание привело в движение маленький бумажный прямоугольник. Коричневый, он совпадал по цвету со столешницей и был на ней неразличим, пока не заскользил по гладкой поверхности.

– Стоять!

– Стоп! – гаркнул попугай не то по-русски, не то по-английски.

Я прихлопнула бумажку, как муху, и поднесла ее к глазам, чтобы рассмотреть. Это оказалась весьма изящная визитная карточка размером чуть больше стандартного. На плотном коричневом пластике со скругленными углами и текстурой дерева золотыми буквами с термоподъемом было написано: «The Bat».

«То есть «Летучая мышь»? – без уверенности перевел мой внутренний голос. – Непонятно... Может, мадам Алиса – певица? Или, например, продюсер постановки оперетты Кальмана? Или подруга Бэтмена, или владелица мини-фермы по разведению нетопырей?»

– Которые нападают в подъездах на семьи москвичей, – пробормотала я, вспомнив заголовки сенсационной новости, с которой так и не познакомилась.

«Вот-вот! – обрадовался внутренний голос, который крайне редко совпадает с голосом разума, но зато с готовностью поддерживает любой бред. – Летучие мыши мадам Алисы принялись разбойничать, и теперь ей нужен частный сыщик, чтобы изловить своих перепончатокрылых преступников!»

Про себя я отметила, что эта версия не лишена стройности, но вслух сказала:

– Ерунда! Впрочем, сама визитка – вещь не ерундовая. На ней ведь указаны телефон и адрес владелицы, так что нельзя сказать, что Эдик совсем уж лишился клиентки. Я отдам ему эту карточку, и при желании он сможет пообщаться с обидчивой мадам самолично. Позвонит ей, спросит, что и как, глядишь – слово за слово, проявит дипломатичность и вернет себе беглую клиентку.

Я повеселела и на радости хлебнула еще малость «Пинкертоника». Потом алкогольный коктейль потребовал закуски, и Трошкина застала меня за повторной, более вдумчивой, проверкой холодильника.

– Что ты делаешь?! – с порога накинулась на меня перевозбужденная подруга.

– Ват а ю дуинг?! Ват а ю дуинг?! – моментально заистерил интеллигентный попугай.

Я как раз в этот момент надкусила яблоко, а привычки разговаривать с набитым ртом у меня нет, да и не казалось мне, что Алкин вопрос требует ответа.

– Жрешь?! – совсем уже грубо рявкнула обычно вежливая Трошкина. – Как же ты можешь?!

Я только пожала плечами, что, собственно, и означало: могу есть молча!

В коридоре послышался приближающийся многоногий топот.

– Несут!

– Ха-о? – сквозь непрожеванное яблоко невнятно спросила я.

Кого там несут, куда и зачем, было интересно.

Мимо дверного проема, частично загороженного фигурой застывшей на пороге Трошкиной, проследовала какая-то процессия.

Во главе ее шел кто-то в нежно-розовом, следом шествовала группа товарищей, объединенных общим грузинским делом. Шаркая ногами, крикая и командуя друг другу: «Петрович, подними выше, проседает!» и «Ваня, бери ближе к стене, не пройдет!», они тащили носилки, накрытые белой простыней. Под ней ворочался и трубно стонал кто-то большой. Похоже было, что работающий квартет мелкорослых тайских носильщиков влечет в паланкине священного белого слоненка.

Я потеснила Алку к дверному косяку, выглянула в коридор, успела во всей красе отследить сложные маневры носильщиков на крутом повороте к лифту и с неприятным удивлением узнала в хвором слоненке Эдика Розова.

«Дежавю», – пробормотал мой внутренний голос, и я вспомнила, что очень похожую сцену видела совсем недавно субботним вечером.

«Ну, от поноса еще никто не умирал!» – процитировал мой внутренний голос знающего человека – санитар «Скорой», и это меня немного успокоило.

Эдик Розов был моим добрым приятелем, и мне не хотелось, чтобы с ним случилось что-то уж очень плохое.

3

Высоко вздернув подбородок и трепетно раздувая ноздри, Всеволод Полонский смотрел в окно поверх тускло блестящей лысины главного редактора детского журнала «Репка» и пытался отвлечь себя от крайне раздражающей действительности ехидной мыслью о том, что выразительный образ репки редактор списал с самого себя. Формой, цветом и тусклым желтым гляncем голой поверхности голова главреда Легкоступова один в один повторяла крупный сказочный корнеплод. Всеволоду доставляло печальное удовольствие сознавать, что и в черепной коробке Легкоступова содержится, видимо, не что иное, как овощное пюре.

– Сева, солнце мое! – проникновенно говорил тем временем редактор, имеющий дурную привычку называть своими солнцами всех подряд. – Когда я просил тебя дать что-нибудь для нашей новой рубрики «Народы мира – детям России», я думал получить увлекательную сказку аборигенов Амазонии или милую колыбельную песенку юкатанских эскимосов. А что ты мне принес?

Легкоступов потряс в воздухе белым веером из аккуратно сколотых бумажных листов.

– Это классическая японская поэзия, – высокомерно ответил Полонский, продолжая щуриться на заходящее солнце.

– Какая такая японская поэзия?!

– Хокку! – на редкость немногословной кукушечкой отозвался Полонский.

– Хокку-мокку! – выругался неэрудированный редактор.

Он развернул бумажный веер шире и с преувеличенным выражением прочитал с листа:

– Жили у старой женщины

Две рыбы фугу.

Одна белая, другая серая – две веселых рыбы!

– Это же хокку для детей, – снизошел до пояснений обиженный Сева. – Я максимально сохранил мелодику и образный ряд японской поэзии, но при этом адаптировал тексты для юных русских читателей.

– Вот спасибо тебе, солнце мое!

Недооцененное солнце детской поэзии выпятило губу и презрительно промолчало.

– Возможно, я недостаточно юн, чтобы понять твои «адаптированные тесты», – с огромным ехидством сказал редактор. – Так ты объясни мне, старому дурню, о чем тут речь?

– Запросто, – высокомерно обронил Полонский, ни звуком не возразив против «старого дурня».

Легкоступов нахмурил редкие брови и с нескрываемым подозрением прочитал:

– Старая женщина обнимет седого самурая,

За ней еще четверо встанут...

Извлечен из земли корнеплод!

– О боже! – дернулся Сева. – Я-то думал, что эта хокку будет на обложке вашего журнала, сразу под заголовком!

– Еще чего! – возмущенно фыркнул редактор «Репки», так и не узнавший родную сказку, исковерканную японской поэтикой. – Мы, значит, будем рассказывать невинным деткам про то, как аморальный самурайский дед одну старуху обнимает, а еще четыре к нему в очереди стоят?! Да меня привлекут за пропаганду порнографии!

– Те четверо – это вовсе не старухи! Это девочка, собака, кошка и мышка! – простонал Полонский, тиская длинными аристократическими пальцами изящно подстриженные височки.

– Дети и домашние животные?! Ну это уже совсем ни в какие ворота! – дико округлил глаза шокированный редактор. – А вот это что? Мне кажется, это похоже на плагиат!

Он снова покашлял и прочитал еще:

– Потеряла лицо Таня-тян.
Плачет о мячике, упавшем в пруд.
Возьми себя в руки, дочь самурая!

Он снял очки и очень строго посмотрел на поэта почти такими же круглыми и красными глазами, как государственный символ Страны восходящего солнца.

– Японская классическая поэзия – это высокое искусство! – сквозь жемчужные зубы процедил Полонский, уже понимая, что публикации не будет. – Маленьких отечественных читателей к нему нужно приучать постепенно, переходя к символике иной культуры через знакомые им фольклорные мотивы! Вот, например, чем плохо это!

Он протянул длинную руку, выхватил у редактора псевдояпонский веер с текстами и с чувством продекламировал:

– Кошка скончалась.
Мех уж не тот на хвосте.
Помалкивай или отведай!

– Я велю написать это каллиграфическим почерком на твоей надгробной плите! – расвирипел редактор. – Всеволод, солнце мое! Ступай прочь и не морочь мне голову! Кстати, «прочь» и «не морочь» – это ведь неплохая рифма...

Легкоступов успокоился так же быстро, как вскипел, и вдохновенно зачиркал карандашом по бумажке.

– Вот-вот! – с упреком молвил Полонский, выйдя из кабинета. – Как самому себе гонорары за дурацкие стишки начислять, так это он может! А как поддержать высокое искусство, так это фигушки!

– Сева, высокое ты наше искусство! – прыснула хорошенькая секретарша Анечка. – Не расстраивайся, пожалуйста, нам всем твои хокку очень, очень понравились! Особенно вот эта:

– Поведай нам о своих странствиях,
Чижик-пыжик-сан!
Видел ли дальние реки?
Пил ли горячий sake?

– Да, – согласился Полонский, под влиянием комплимента сделавшись чуть менее грустным. – Горячий sake – это хорошо. Пожалуй, горячий sake – это именно то, что мне сейчас нужно.

– Хочешь чаю? – предложила добрая девушка, потянувшись к электрочайнику. – Правда, он не совсем горячий...

– И совсем не саке! – грустно молвил Сева и с изящным самурайским поклоном удалился из редакции несолоно хлебавши.

В качестве приблизительного аналога горячей рисовой водки он планировал употребить теплый коньяк из фляжки, которую всегда носил в глубоком кармане на бедре Сашка Баринов, но реализовать это намерение не смог, потому что не дошел до офиса.

На подступах к «МБС» разворачивалось какое-то шумное массовое действо. Едва подъехав на свой этаж и еще не выйдя из лифта, Всеволод услышал громкий командный голос директора рекламного агентства Михаила Брониславича Савицкого, который торопливо и вдохновенно распоряжался:

– Аллочка, фикус в уголок задвинь, чтобы веточки не поломали! Зоенька, распахни дверку пошире! Правый задний, просунься в кабинетик! Левый передний, заводи свой краешек за уголок!

Помимо голоса начальственного распорядителя, за уголком слышалось многоголосое сопение, тяжкие бурлацкие вздохи и сдавленная ругань. Не дожидаясь, пока Правый Задний, Левый Передний и прочие участники эпического процесса выберутся на прямую дистанцию к лифту, умудренный суровым жизненным опытом Полонский нажал кнопку закрывания дверей и поехал на первый этаж.

Ему уже доводилось принимать участие в выносе из родного рекламного офиса разной старой мебели с последующим заносом туда же новой. Повторять сей героический подвиг Сева не желал. Утонченной творческой натуре поэта-япониста тяжкий физический труд откровенно претил.

Проходя мимо вахтерши в холле, Сева продекламировал родившееся у него экспромтом:

– Срубили могучую ветку японского дуба!

«Эй, ухнем!» – кричат самураи.

Потянем, сама пойдет!

С этими словами он вприпрыжку, не отягощенный ни увесистыми деревянными конструкциями, ни угрызениями совести, сошел с высокого крыльца и направился в ближайшее питейное заведение.

В маленьком итальяно-грузинском ресторанчике с витиеватым, но честным названием «Генацвале Чиполлино» в мертвый час между завтраком и обедом было тихо и пусто.

– Мне что-нибудь покрепче, – попросил Сева усатого бармена в кепке, красно-бело-зеленые клеточки которой напоминали о расцветке итальянского флага.

– На радости или с горя? – остро сверкнув черным глазом, спросил бармен.

– С горя, – признался Сева.

– Наш фирменный напиток «С горя»: три части белого лигурийского вина, одна часть чачи и маринованный перчик! Ола-ла! – бойко протарахтел бармен, проворно сооружая коктейль.

Всеволод понюхал бокал и прослезился. Потом сделал глоток и заплакал.

– Пей, дорогой, пей! – подбодрил его бармен. – Сейчас все твои слезы выльются, больше плакать не сможешь, тогда какое будет горе? Тогда будет радость! Тогда я тебе наш фирменный коктейль «На радости» смешаю!

– А в нем что будет? – обмахивая ладонью обожженный рот, прохрипел клиент.

– Вай, ола-ла, все самое сладкое! – восторженно зажмурился бармен. – Один шарик ванильного джелато, одна часть персикового сока и три части чачи! Очень вкусно! И очень радостно! Видишь, девушка выпила? Вай, как теперь улыбается!

Выпившую девушку плачущий Сева разглядел с трудом: она была маленькая, хрупкая и в своем синем пальтишке с белым шарфиком почти сливалась с изображенным на стене мор-

ским пейзажем. Улыбающаяся барышня сама помогла Полонскому обнаружить ее, приветливо помахав ему рукой.

– Вот видишь? Уже тебе хорошо! Такая девушка зовет! Иди к ней, иди! – Разговорчивый бармен похлопал Севу по спине, подталкивая его в нужном направлении.

– А пуркуа бы и не па? – отклеиваясь от стойки, пробормотал себе под нос поэт-полиглот.

Девушку звали Алей. Избалованному женским вниманием Севе она понравилась: красивая, ухоженная, модно и к лицу одетая, Аля не жеманилась, как гламурная дура. Наоборот, она была очаровательно и непринужденно весела. Впрочем, возможно, это объяснялось не только ее природным характером, но и чрезвычайно бодрящим действием итало-грузинского коктейля «На радости».

Полонский, настроение которого заметно улучшилось уже после фирменного пойла «С горя», заказал еще две «Радости» – себе и новой знакомой – и после этого возрадовался настолько, что принялся декламировать Але свои русско-японские вирши, не нашедшие признания у редактора.

Милая девушка смеялась, стихи хвалила, на Севу глядела зазывно. Из «Генацвале Чиполино» Полонский ушел в предвкушении плотских радостей, фамильярно придерживая веселую красавицу за хлястик модного итальянского пальто.

На улице было прохладно и ветрено. Полонский окутал плечи барышни собственным шарфом, но этого оказалось недостаточно. Аля подняла капюшон, задрожала и перестала смеяться. Многоопытный Сева встревожился, понимая, что на свежем воздухе его новая перспективная знакомая может слишком быстро протрезветь, и предложил взять такси.

– Я вызову, – сказала девушка и позвонила в службу такси со своего мобильного.

– Ох уж мне этот феминизм! – пожав плечами, показательно вздохнул Полонский.

Он не любил женщин, озабоченных борьбой за равноправие с мужчинами. Ему больше нравилось, когда женщины борются друг с другом за мужское внимание. Все феминистки, с которыми Всеволод был знаком, выглядели до отвращения асексуально. Хорошенькая Аля в этом смысле совершенно не походила на типичную феминистку.

– Это вовсе не феминизм, просто у меня тариф дешевый, – объяснила девушка.

Сева снова пожал плечами и промолчал, но про себя подумал, что его новая знакомая не выглядит женщиной, склонной к экономии. Аля тоже поежилась. Видно было, что в модном пальтишке, рассчитанном итальянским производителем на теплый средиземноморский климат, ей откровенно зябко. Всеволод расстегнул пальто и галантно укрыл его полрой дрожащую Алю.

– Такси будет через пять минут. Встанем за углом, там меньше дует, – предложила она и, не дожидаясь ответа, поспешила укрыться за стеной ближайшей пятиэтажки.

Сева мысленно дополнил противоречивую характеристику новой знакомой положительным определением «рассудительная» и поскакал за ней вдогонку.

– Обними меня! – жалобно попросила Аля.

Разумеется, галантный Полонский с готовностью распахнул и пальто, и объятия. Девушка крепко прильнула к нему и по собственной инициативе страстно поцеловала.

– О! – вымолвил Сева.

Он почувствовал, что ловкие пальчики спешно расстегивают на нем рубашку и вытягивают ее из брюк, и добавил:

– Ого!

– Закрой глаза! – шепнула страстная дева.

Смущенный и взволнованный неожиданно стремительным развитием событий, Сева подчинился и услышал многообещающий свист «молнии». В следующий момент клацнул расстегнутый ремень, и не удерживаемые им брюки поползли вниз по бедрам Полонского наперегонки

с нервными мурашками. Жульнически приоткрыв один глаз, он увидел, что девушка опускается к его ногам, и в предвкушении экстремального удовольствия снова крепко зажмурился.

В следующую секунду в ближайшем окне шумно разбилось стекло. На непокрытую голову Севы посыпались осколки. Он вскрикнул и завертелся волчком, пытаясь подхватить упавшие штаны и заодно понять, что происходит. В этом желании он был не одинок: в комнате за разбитым окном кто-то матерно задавался тем же вопросом, из других квартир также высунулись любопытствующие.

– А-а-а-а! – Аля истошно завизжала и, едва появились первые зрители, добавила в бессловесный вопль шокирующей информации: – Помогите! Спасите! Насилуют!

– Где? Кто? Что? – бестолково лепетал испачканный алой губной помадой Полонский, топчась по битому стеклу в предательски спущенных штанах.

– А ну, отойди от девочки, гад! – скрипучим голосом закричала старая бабушка и высунула в форточку трясущуюся клюку.

Барабания лапками по стеклу, залиvisto залаял бабушкин карликовый пинчер.

– Совсем уже совесть потеряли, маньяки сексуальные! – осыпав Севу градом пластмассовых прищепок, громко возмутилась дородная баба со второго этажа. – Глядите, что делают! Уже среди бела дня без штанов гарцуют!

Не удовольствовавшись легкой канонадой, она сдернула с веревки махровое полотенце, скрутила его и бухнула тяжелый мокрый ком на голову «маньяка» Полонского.

– Ах ты сволочь!

Какой-то косомордый мужик в застиранной тельняшке ловко выпрыгнул из окна квартиры на первом этаже и без промедления налетел на Севу с кулаками.

– Да вы что? Вы с ума со...

Всеволод не договорил, запутался в штанах, упал, и начавшаяся драка перешла в партер.

С этого момента за сюжетом он не следил и запомнил только отдельные яркие моменты: хук слева, разбивший ему правое ухо, прямой удар правой, раскровивший нос, и мелодичное завывание милицейской сирены, сыгравшее роль музыкального сопровождения Севы в глубокий нокаут.

4

– А я вам говорю, не надо жрать что попало! – сказала, как отрезала, Вероника и отрезала, как сказала, себе большой кусок колбасы.

Зойка, наша бухгалтерша, опасливо понюхала свой бутерброд и сокрушенно вздохнула:

– Бедный, бедный Эдичка!

– Мы будем молиться за его здоровье! – пообещал Сашка Баринов и сложил пухлые ладошки, показывая, как именно он будет молиться за здравие.

– Думаешь, еще не поздно? – усомнилась я.

Смертельно раненные бойцы в исторических фильмах про войну держались гораздо бодрее, чем Розов, когда его увозила «Скорая». Пока два санитара и пяток добровольно-принудительных помощников запихивали носилки с Эдом в фургон, больной успел персонально проститься с каждым из присутствующих и вкратце сформулировать свою последнюю волю по целому ряду пунктов:

– Михаил Брониславич, у меня аренда до Нового года проплачена, пользуйтесь пока моим кабинетом! Девочки, в холодильнике продукты, съешьте, чтобы не пропали! Попугая маме с папой отдайте! Почту мою забирайте! Телефон на запись включите! Цветы поливайте! Клиентов успокойте!

Со всем, кроме клиентов, о которых никто из нас ничего не знал, мы разобрались быстро и без труда. Попугая в ожидании приезда Эдькиной мамы переселили на шкаф в «МБС», «пин-

кертоновский» телефон поставили на автоответчик, Эдькин почтовый ящик для облегчения забора возможной почты загодя открыли Алкиной шпилькой для волос, а два горшка с крокусами и продовольственный сейф со всем его содержимым без разбору перетащили к нам в кухонный блок. Где и собрались затем в обеденный час, чтобы съесть за здоровье Эдика по бутерброду с колбаской.

– Если уже поздно молиться за здоровье Эда, то мы будем молиться за упокой его доброй души! – понюхав салями, прочувствованно сказал Баринов и сделал горестную морду, показывая, как именно он будет молиться за упокой.

– Сашка, ты что, замолчи! Накликаешь еще Севкину безвременную смерть! – испуганно взмахнула надкушенным гамбургером суеверная Трошкина.

– Муэрте прематура! – тоскливо вздохнул попугай.

– Что он сказал? – насторожилась Алка.

– Что-то про смерть, – объяснила я. – Я заметила, эта птица с лета переводит расхожие иноязычные выражения.

– Расслабься, Алла! – снова занося нож над палкой салями, посоветовала бестрепетная Вероника. – Как ему на роду написано, так и будет!

– Ват вилл би, вилл би! – поддакнул попугай, продолжая назойливо демонстрировать эрудицию.

– Что будет, то и будет, – машинально перевела с английского Трошкина.

– Знать бы, как ему написано! – прошептала Зойка.

Мы с Алкой переглянулись. Подружка выразительно покосилась на кофейник и сказала:

– А кто же это может знать лучше, чем Вероничка!

– Девочки, я благотворительностью не занимаюсь! – энергично чавкая колбасой, напомнила Вероника. – Кто хочет, чтобы ему погадали, добро пожаловать ко мне в офис в приемные часы. Можно прямо сегодня после двух!

– Эй, вы там еще один цветок забыли! – громко сказал наш дизайнер Андрюха Сушкин, возникая на пороге с цветочным горшком в руке.

Горшок – это было громко сказано. Горшочек был крошечный, размером с чашечку для саке, и содержал в себе хилый кактус, похожий на засохший пикуль. Я вспомнила, что этого колючего заморыша Розов стыдливо прятал за монитором, наивно полагая, что кактус поглотит вредоносное излучение компьютера.

– А что это вы тут делаете? – подозрительно спросил Сушкин, шевельнув носом.

– Ват а ю дуинг? – с очень похожей интонацией спросил попугай.

– Жрете?! – ахнул Эндрю. – А я, значит, там сижу, караюлю пустой кабинет, как полный дурак?!

– Пустой кабинет и полный дурак – это гармоничное единство противоположностей! – сострил Баринов, при появлении нового едока поспешно перекладывая на свою тарелку последний бутерброд.

– Дур-р-рак! Дурак, дурак, дурак! – обрадовался Кортес.

Сушкин посмотрел на него, нахмурился и показал кулак.

– Попка-дурак! Дурак попка! – поправились смышленная птица.

– Садись, Андрюша, покушай! – подскочила к Эндрю совестливая Трошкина. – Я посижу у Эдика.

– Нет, лучше я! – Я усадила подружку обратно на стул и пошла на дежурство.

Уже после отъезда Розова в карете «Скорой помощи» мы обнаружили, что ключи от своего кабинета Эдик увез с собой. Запасной комплект имелся у уборщицы тети Дуси, но она должна была появиться уже после завершения нашего трудового дня, а до тех пор мы решили караулить соседский офис по очереди.

Меня лично наиболее привлекала послеобеденная вахта: на сытый желудок в удобном кресле Эда можно было прекрасно подремать, тогда как в родном офисе пришлось бы трудиться. У нас в «МБС» считается плохим тоном предаваться безделью в рабочее время, если поблизости находится шеф. Если не находится – тогда, конечно, другое дело...

Чтобы меня не застукали за таким предосудительным занятием, как просмотр приятных сновидений белым трудовым днем, я изнутри приперла дверь «Пинкертона» креслом для посетителей – как сказал бы папуля-полковник, «соорудила заградительную систему». Систему сигнального оповещения я находчиво спроворила из стеклянного пузырька с таблетками валерианки. Пристроенный на дверь, он в случае вторжения должен был грохнуться с двухметровой высоты на плиточный пол, тарахтя, как погребушка.

Очень довольная своей предусмотрительностью, я поудобнее устроилась в кресле частного сыщика и приготовилась немножко подремать, но меня все время что-то отвлекало. Сначала зазвонил телефон – пришлось его отключить. Потом по улице с нервирующим завыванием промчалась милицейская машина – пришлось закрыть форточку.

Затем меня посетила дельная мысль – загоя обезвредить все предметы, в принципе способные издавать те или иные бодрящие звуки. Я обесточила компьютер, выдернула из розетки вилку электрической кофеварки и замотала в забытый Эдиком шарф настольные часы, которые могли оказаться будильником. Наконец стало так тихо, словно в мягкую шерсть завернули меня саму. Я сладко зевнула, поудобнее пристроила затылок на спинке кресла, закрыла глаза...

И тут же по коридору, на ходу осыпая кого-то комплиментами, протопал наш Бронич. Скрипучий бас нашего шефа подходит для исполнения колыбельной. А тут еще его польщенный спутник интригующе сказал:

– Та, та, мы никокта не используйте тупильные вещества! – И я окончательно и бесповоротно проснулась.

Каюсь, я любопытна. Ужасно захотелось узнать, что такое эти «тупильные вещества»!

«Это телевизионные ток-шоу и сериалы!» – предположил мой внутренний голос.

Я хмыкнула, наклонилась к системному блоку, чтобы включить компьютер и поискать интригующие «тупильные вещества» в Интернете, и вдруг увидела на полу красную, в белый горох, фаянсовую посудинку.

Это была чашка, чайная, но с остатками кофе.

«О! – восторгнулся мой внутренний голос. – Я представляю себе все так ясно, как будто это происходило на моих глазах! Эдик сварил себе кофе...»

Я посмотрела на обесточенную мною кофеварку и кивнула.

«Он выпил его! – азартно продолжил внутренний голос. – И внезапно почувствовал себя дурно!»

– Кофе, кажется, обладает мочегонным эффектом, а не слабительным? – припомнила я.

«Где одно, там и другое! – не смутился внутренний голос. – Подчеркиваю: Эдуарду подурнело внезапно, едва он успел допить свой кофе!»

– Аргументируй, – попросила я и едва не клюнула носом столешницу, внимательно разглядывая ее.

«Чашка лежит на полу, тогда как на столе, справа от коврика с компьютерной мышкой, видны круглые отпечатки! Очевидно, Эдик держал чашку в правой руке, прихлебывал кофе и периодически ставил ее на стол, чтобы покликать мышкой. А потом вдруг его скрутило, да так, что он уронил чашку на пол и даже не стал ее поднимать! Это же элементарно!»

– Как широко распространился в массах дедуктивный метод Шерлока Холмса! – вслух подивилась я.

«Ага! – язвительно поддакнул внутренний голос. – Не все же принимают тупильные вещества! Некоторые еще и книжки читают».

Я машинально посмотрела на книжную полку в углу кабинета: никаких книг на ней не было, одни металлические кубки и непонятные медали на деревяшках. Определенно, Эдик Розов к числу активно читающей публики не принадлежит. Что, вообще говоря, странно, раз он учился в аспирантуре и защищал кандидатскую...

«Может, впоследствии в его рационе оказалось слишком много тупильных веществ?» – вякнул неугомонный внутренний голос.

Я подняла с пола чашку и испытующе заглянула в нее. С виду обыкновенная кофейная гуща, а там – кто знает, может, и с тупильными добавками...

«Надо ее Веронике показать!» – предложил внутренний голос.

– Хорошая мысль, – согласилась я.

Взяв чашку с кофейными разводами, я встала, вышла из-за стола, отодвинула заградительное кресло, дернула на себя дверь – и едва не получила по голове сигнальным пузырьком с таблетками.

«А вот и ранний склероз!» – прокомментировал неотвязный внутренний голос.

Я плотно закрыла дверь детективного агентства на многократно сложенную бумажку и пошла к нашему ведущему специалисту по кофейной гуще.

Вероника Крохина – владелица и единственная сотрудница Индивидуального Частного Предприятия «Наина», специализацией которого является оказание населению услуг по эзотерической диагностике. «Ситуативный анализ по кофейной гуще, хиромантическая оценка долгосрочной перспективы, прогнозирование событий с помощью карт Таро, нетрадиционные способы решения проблем личных отношений, бизнеса и здоровья» – так написано в рекламном буклете, который сляпали для Вероники мы с Сашкой Бариновым.

То ли текст у нас получился такой замечательно зазывный, то ли доверчивых олухов в наших широтах пруд пруди, но от клиентов у Крохиной отбоя нет. В коридоре под дверью «Наины» нередко образуется очередь из взволнованных дамочек, нервно заламывающих руки. Я вижу эту картину каждый день, потому что офис Крохиной расположен на одном этаже с нашим «МБС» и Эдькиным «Пинкертоном».

Вероника утверждает, что она не просто гадалка, а самая настоящая потомственная ведьма. В это нетрудно поверить, послушав, как она разговаривает с клиентами. «Выпейте это!» – Вероника произносит таким мрачным тоном, словно в дымящейся чашечке содержится не кофе, а смертельный яд или расплавленный свинец. И внешность у Крохиной, когда она «при исполнении», такая, что в пору проходить кастинг на роль Бабы-яги: нос острый, губы тонкие, щеки впалые, глаза горящие, брови и волосы косматые...

Вероника специально ходила на курсы театральных гримеров, чтобы научиться делать себе «правильное» лицо. Из дома она выходит вполне симпатичной женщиной, а в своем ведьмацком офисе первым делом садится к зеркалу и старательно преображается: покрывает лицо синюшным тоном, накладывает темные тени на нос и под глаза, наклеивает брови, вставляет линзы и приводит в демонический беспорядок модную салонную стрижку. Вечером совершается обратное превращение. Только крючковатые красные ногти остаются при Верке и днем и ночью: акрил – штука прочная, с ним возни много, запросто наклеивать и снимать не получается.

При этом хитрая Крохина ловко эксплуатирует и средневековые пережитки народных масс, и их веру в чудеса науки. Присвоив себе внушительное звание эзотерического диагноста, она и прогнозы дает не в устной форме, а в электронной, на диске с красивыми картинками-заставками, и в виде компьютерной распечатки. Очень эффектная бумажка получается – дизайн макета разрабатывал наш Эндрю, а он парнишка талантливый.

За неплотно прикрытой дверью моей рекламной конторы бодро рокотали голоса Бронича и его собеседника. Прокрадываясь по коридору на мягких лапах, я в продолжение интригую-

щей темы тупильных веществ услышала обрывок фразы: «образуют толстый злой осажденного пилка». Кто или что такое этот «пилка», не хотелось даже выяснять – ну его, раз он злой!

«Наверное, это потому, что его осадили, – сочувственно пробормотал мой внутренний голос. – Никому ведь не нравится, когда с ним поступают грубо и неделикатно!»

В этот момент довольно грубо и неделикатно осадили меня саму.

– Стой, раз-два! – скомандовал страшный шепот.

Я остановилась, на всякий случай подняла руки, медленно обернулась и увидела, что по коридору вслед за мной на цыпочках, как Маленький Лебедь, семенит Алка Трошкина.

– Бронич привел нового клиента, он директор завода по производству безалкогольных напитков, чего от нас хочет – сам не знает и объяснить нормально не может, потому что дефективный, – скороговоркой объяснила Алка.

– Тупит?

– Нет, просто он немец и еще половину букв не выговаривает. Не поймешь, чего лепечет! Пусть с ним Баринов разбирается, он любых мужиков любит, и картавых, и шепелявых, и тотально дефективных, – рассудила подружка. – А ты куда?

Я показала ей Эдькину чашку и объяснила, что иду к Веронике за ситуативным анализом по кофейной гуще.

– Ой, как здорово придумано! – Трошкина искренне обрадовалась неожиданному развлечению. – Сейчас узнаем, что ожидает Эда в ближайшем будущем! А то от медиков прогноза не допросишься, а мы ведь переживаем за судьбу коллеги!

– Сильно переживаете? – спросила Вероника, когда мы явились к ней. – Настолько сильно, что готовы заплатить мне за работу? Дружба дружбой, но у нас в эзотерическом прогнозировании испокон веку действует железное правило: сначала позолоти ручку!

– Ведьма, – беззлобно констатировала я и полезла в карман за бумажником. – Сколько?

– Прейскурант на стене.

– Триста рублей?! – ужаснулась Трошкина, первой найдя нужную строчку. – Да ведь полная чашка кофе в нашем буфете стоит не больше сотни!

– На, кровопийца! – в сердцах сказала я, отсчитав три сотенных бумажки. – Вот погоди, придешь ты к нам в офис чай с бутербродами гонять, мы тебе такой счет выкатим – придется ступу с помелом в заклад отдавать, чтобы расплатиться!

– Теперь чашку давай, – бестрепетно распорядилась потомственная ведьма, пряча деньги в карман длинного холщового фартука. – М-да... Ну что я могу сказать?

– Что? – вытянула цыплячью шейку Трошкина.

– Плохо дело.

– Эдик не выйдет из больницы? – испугалась Алка.

– Почему не выйдет? Выйдет, – медленно вращая чашку и внимательно разглядывая черноту внутри, сказала Вероника. – Но помучается...

– Помучается до того, как выйдет, или после? – уточнила я.

– И до, и в процессе, и после...

– Ну так се ля ви! – съязвила я, начиная злиться.

По-моему, за триста целковых можно было дать более конкретную и ясную характеристику ситуации!

– Или се ля вы, или се ля вас, – согласилась гадалка, продолжая сосредоточенно шуриться в чашку. – Вот, вижу я причину всех Эдькиных мук! Это женщина.

– Ну так шерше ля фам! – съязвила и Трошкина, видимо, подхватив прилипчивую заразу французской иронии у меня.

– А что за женщина? – поинтересовалась я.

– Красивая, – уверенно сказала Вероника, поглядев на самую страшненькую кофейную кляксу. – Не знаю, кто она Эду... но зовут ее на букву «А».

– А-а-а-а! – разыгравшаяся Трошкина заголосила, как в лесу. – Вот так ее зовут?

– Ой, мама...

Я поспешно наклонилась и подобрала упавшую чашку, пока кофейная гуща из нее не измазала светлый ковер. Шокированная Вероника прижала обе руки к сердцу и укоризненно посмотрела на мою непосредственную подружку:

– Зачем же так орать?!

– А-а-а-а! – донеслось из коридора.

– Это что – эхо? – Удивленная Алка открыла дверь.

Это было не эхо. Это была наша бухгалтерша Зоя. Она стояла на углу под раскидистым фикусом и орала, как еще одна дурочка из леса. И я не сразу поняла, что ее истошное «а-а-а-а» является последней буквой моего имени.

– И-и-инка-а-а-а-а! – надрывалась Зоя, вращаясь вокруг своей оси, как проблесковый маячок на крыше патрульки, и обеспечивая равномерное распределение акустических волн по округе. – Инка-а-а-а-а!

В последний раз с такой тревогой и с недобрым обещанием в голосе меня призывала мамуля, не нашедшая поутру в прихожей свои новенькие итальянские сапоги. Мне тогда было пятнадцать лет, дорогой импортной обуви я еще не достаивалась, но наши с мамулей ноги как раз сравнялись в размере, и вопрос экипировки нижних конечностей я нахально решала по шкурному принципу «кто раньше встал, тот лучше обут». Но у Зойки я никогда никаких сапог никогда не уводила и не уведу, это совершенно исключено. У нее плоскостопие, а у меня высокий подъем.

– Я здесь! – громко сказала я, подождав, пока Зойка замолчит, чтобы набрать в грудь воздуха.

– Здесь она! – подтвердили Алка и Вероника.

Мы высунулись в дверной проем, как три головы Змея Горыныча из норы.

– Инка, живо двигай в офис! – сердито прокричала Зоя. – Скорее! Скорее! Бегом!

– До сих пор у нас не так жестко следили за соблюдением трудовой дисциплины! – досадливо подумала я вслух.

– Тебя Бронич зовет, срочно! Живее, живее, шевелись! – истерила Зоя. – Одна нога здесь, другая там!

– Ты мне льстишь, – пробормотала я, сокращая расстояние от «здесь» до «там» с максимальной скоростью.

Трошкина, которая за много лет научилась воспринимать восторженные комплименты моим длинным ногам как фоновый шум, не выдержала и хихикнула.

Это была последняя нотка веселья в текущий бурный день. Все, с кем мне довелось общаться позже, демонстрировали полное отсутствие чувства юмора.

Зойка перехватила меня на углу и погнала в офис, безжалостно толкаясь.

– Инка! Инка! Инка! – с нечеловеческим энтузиазмом вопил попугай, разучивший с подачи горластой бухгалтерши новое слово.

– Тебя еще не хватало! – огрызнулась я, пробегая мимо.

Ощущая, как под давлением Зойкиных направляющих рук на моей талии образуются вмятины, я ворвалась в кабинет шефа.

Бронич сидел за столом красного дерева, и лицо у него было в тон столешнице. Проволочные волосы, окружающие лысину шефа на манер тернового венчика, вздыбились круче обычного. Одной рукой Бронич яростно чесал свою тонзуру, другой прижимал к уху телефонную трубку.

Увидев меня, он произнес «Да, разумеется!» тоном, каким уместнее было бы сказать «Нет, ни за что!», швырнул трубку на рычаг, склонил голову к плечу и метнул в мою сторону тяжелый взгляд василиска. Я на всякий случай отступила в сторону, но шеф скорректиро-

вал направление своего нервно-паралитического взора с учетом моего телодвижения и мрачно спросил:

– Новость знаешь?

– Ну... Э-э-э... – протянула я, не сразу определившись с линией поведения.

Неинформированность для рекламщика – смертный грех. Ответив «Нет, не знаю», я поставила бы под сомнение свою профессиональную репутацию. А ею я дорожу едва ли меньше, чем женской гордостью!

Мгновенно оценив расклады, я нарочито важно кивнула:

– А-а-а! Вы про сенсацию на Си-эн-эн?

– Я про скандал в «МБС»! – рявкнул Бронич.

– О-о-о... – Я растерялась, но быстро нашлась: – Что, кто-то из клиентов набузил? Этот, что ли, с фабрики тупильных веществ?

– У-у-у! – отмахнулся Бронич. – Вспомнила! Это когда еще было! Час назад!

– И-и-и? – подбодрила его я.

Поскольку выразительные гласные мы, кажется, все перебрали, можно было надеяться, что шеф ответит более развернуто и по существу.

– Ё-о-о-о-моё! – простонал Бронич, не оправдав мои надежды. – Она еще не знает?!

Испепеляющий взгляд опалил мое плечо. Обожженная Зойка охнула и виновато пробормотала:

– Я не успела объяснить...

– Да в чем дело-то?! – ничего не понимая, занервничала я.

– Хотелось бы, чтобы до дела не дошло, но, похоже, уже поздно. – Бронич снял очки, бросил их на стол и двумя руками сильно потер багровую физиономию. – Боюсь, что мы его потеряем.

– Эдика, что ли? – Я оглянулась на Зою.

Она покачала головой:

– Севу!

– Полонского?!

Вот когда я встревожилась по-настоящему!

Всеволод – наш штатный креатор, до его прихода в «МБС» выдавать на-гора свежие идеи приходилось мне одной, и я еще не забыла, что это было очень утомительно и притом никак не сказывалось на моей зарплате редактора. Потерять Полонского?! Ну нет!

– Я сделаю что угодно, чтобы вырвать Севу из лап смерти! – пылко заверила я шефа.

– Надо из лап закона! – поправил Бронич и снова вздохнул.

– Нашего Севу забрали в милицию, – тоже вздохнув, тихо сказала Зоя. – Прямо с улицы! Он грязно приставал к девушке и даже пытался ее изнасиловать!

– Вы это серьезно? Или пугающе шутите в связи с Хэллоуином? – В полном обалдении я переводила взгляд с бухгалтерши на шефа и обратно. – Сэр Сева? Дон Кихот Полонческий?!

По-моему, прозвища нашего коллеги говорят сами за себя. Всеволод Полонский эрудит, эстет и джентльмен до кончика зонта. Я никак не могла вообразить Севу в роли гнусного уличного приставалы!

– Вот уж совершенно нелепая мысль! Все равно что обвинить в мафиозной деятельности благородного короля Артура и рыцарей Круглого стола!

– Будь добра, постарайся довести это свое мнение до сведения своих же друзей в милиции! – попросил Бронич.

Вот тут я начала понимать, чем были вызваны истошные крики «Инка, Инка!». Мой жених Денис Кулебякин – весьма уважаемый в милицейских кругах эксперт-криминалист. Его лучший друг Руслан Барабанов – важная фигура в отделе по борьбе с организованной преступ-

ностью. Да и мой папа, отставной полковник, сохранил хорошие знакомства в разных силовых структурах...

Прежде коллеги по «МБС», люди сплошь творческие, культурная элита общества, расценивали мои связи «с ментами» как порочащие. Подозреваю, от остракизма меня спасало только наличие мамы – известной писательницы и брата – модного дизайнера. Своей несомненной богемностью они как-то компенсировали дурное влияние на меня милицейского плембса. И вот, значит, теперь мои контакты в органах на что-то сгодились! Я усмехнулась, шагнула к директорскому краснодеревянному столу и потеснила Бронича у телефонного аппарата.

– Капитан Кулебякин! – без промедления отозвался на другом конце провода мой милый.

– Дениска, спасай! – сказала я.

– Всегда пожалуйста, любимая!

Я приложила трубку к признательно забившемуся сердцу и сказала Зойке, заканчивая давний спор:

– Понимаешь теперь, почему я выбрала мента? Мало слов – много дела! И так во всем.

Пристыженная Зойка уныло кивнула, а Денис в трубке хмыкнул и проницательно заметил:

– Compliments – это не к добру. Чую, просьба будет на редкость гадкая!

Разумеется, он не ошибся. Однако вытащить из милиции «насильника» Севу оказалось совсем не так трудно, как думал паникер Бронич.

– Конечно, если бы пострадавшая девушка тоже поехала в участок и написала там заявление, ваш Полонский не отделался бы так просто, – снисходительно объяснил мне мой милицейский герой уже поздним вечером, предварительно истребовав и получив с меня благодарность за совершенный им подвиг натурой.

К счастью, барышня скрылась с места происшествия еще до того, как увезли Севу в милицеском «бобике». Пока стражи порядка отскребали с асфальта побитого честными гражданами «насильника», его «жертва» тихо шмыгнула в подоспевшее такси и по-английски удалилась в неизвестном направлении.

– Сумасшедшая какая-то девица, – зевнув, подумала я вслух. – Припадочная! Сначала возвела на парня напраслину, а потом усовестилась и сбежала.

– Уверена, что это была напраслина? – сонно пробормотал Денис. – Я лично вашему Полонскому не слишком доверяю...

Одно время Сева за мной ухлестывал. С тех пор и навсегда он у бдительного милицеского капитана Кулебякина на подозрении. Но я не стала спорить с милым: мне хотелось спать, и я не отказала себе в этом.

Телефон зазвонил среди ночи.

Поздний звонок четко проассоциировался у меня с милицескими подъемами по тревоге, так что я и не подумала снять трубку. Это сделал Денис. И лишь когда он прилепил мобильник к моему уху, я поняла, что телефон-то мой собственный!

– Инночка! Ах, Инночка! – В трубке захлебывалась слезами мама Севы Полонского.

– Нонна Игоревна?

Я села в постели, включила бра в изголовье кровати и посмотрела на будильник.

Была половина третьего. Шесть часов назад я передала помятого и обессиленного Всеволода с рук на руки его любящей маме, и в тот момент она плакала от радости, так как успела вообразить своего милого мальчика в полосатой робе арестанта, с бритой наголо головой и деревянными колодками на ногах.

Теперь в плаче Нонны Игоревны и малейшей радости не чувствовалось.

– Инночка, Севу забрали! – прорыдала она.

Я подумала, что намятые бока Полонского все-таки потребовали госпитализации, и спросила:

– В больницу?

– Нет, не в больницу! В тюрьму!

– В какую тюрьму? Почему? За что?!

Я покосилась на Дениса.

– Кузнецова! – с упреждением зарычал он, выглянув из-под подушки. – С кем ты, черт побери, якшаешься? Я не буду вытаскивать из кутузки всех твоих хахалей!

– Это не хахаль, это все тот же Полонский, – торопливо объяснила я. – Кажется, его снова арестовали.

– Что, он еще на кого-нибудь напал? – излишне громко поинтересовался бездушный мент.

Нежная Севина мама в трубке захлебнулась рыданиями и отключилась. Я вздохнула, вырубил телефон и грозно посмотрела на Дениса.

– Даже не проси! – каменным, как топор пещерного человека, голосом отрубил он. – Утром. Все – утром!

И мой милый снова уснул, захрапев, как неандерталец, в совершенстве освоивший прием отпугивания носовыми руладами саблезубых тигров. Я немного порычала, как тот же тигр, но услышана не была.

«Что ж, утром так утром», – примирительно пробормотал мой внутренний голос.

Я побила кулаком подушку и натянула до ушей одеяло.

«Ну и что такого, что его в милицию забрали? В милиции тоже люди», – усыпляюще забормотал внутренний голос.

– Пеще-е-е-ерные, – зевнув, согласилась я.

И уснула.

5

Тугриков, в лице, фигуре и манерах которого без труда угадывалось самое близкое родство с пещерным человеком, со скрежетом почесал подмышечную впадину сквозь задубевший рукав форменной куртки и шершавым басом томимого жаждой алкаша гаркнул в открытую форточку квартиры на первом этаже:

– Граждане, откройте! Милиция!

Форточка тут же захлопнулась. В считанные секунды в режиме цепной реакции герметично закупорились оконные проемы по всему фасаду старого «сталинского» дома, построенного буквой «П».

Тугриков искательно заглянул в окно по другую сторону подъездной двери. Там с подоконника широко и бессмысленно улыбалась круглая тыквенная морда, начиненная горячей свечкой. По кружевной занавеске метались кривые тени.

Тугриков с мучительным звуком поскреб стекло ногтем, занавеска дернулась, и над воскуренной тыквой появилась жутчайшая физиономия – синюшная, в мощных шарпейских складках, с кривым красным ртом и зубами наружу. Тугриков замер с поднятой рукой. Вурдалачья морда ему одобритительно покивала и показала сразу два больших пальца.

– Они думают, что мы тоже маскированные монстры! – со смесью удивления и обиды сказал Голубовский.

Тугриков вздрогнул и использовал поднятую руку для крестного знамения.

– Сегодня Хэллоуин, Витя! Импортный праздник всякой нечисти! – объяснил Голубовский.

– Вот люди! Вас же, давно по тыквам не били? – Тугриков укоризненно посмотрел на иллюминированный овощ и помотал головой, как одолеваемая блохами собака. Сходство усугубляло сорвавшееся с привязи на темечке ухо серой меховой шапки.

В середине октября на почве наблюдались заморозки, и вся городская милиция дисциплинированно перешла на зимнюю форму одежды. И хотя в конце месяца вдруг потеплело, легкомысленное поведение погоды не изменило четкой линии заведенного милицейского порядка. Тугриков с тоской думал о любимом спортивном костюме и легкой ветровке. Необходимость изменить удобной экипировке обусловил утренний смотр, куда надо было явиться в полной выкладке, да еще с «тревожным» чемоданчиком.

– Витя, остынь! – позвал товарища лейтенант Голубовский.

Блудный сын благородного семейства, он не производил впечатления прямого потомка пещерного витязя в тигровой шкуре и имел генетическую способность к внезапным гениальным озарениям.

– Сейчас мы войдем в лучшем виде. Ты справа, я слева!

Опера Коля Тугриков и Петя Голубовский внешне походили один на другого не более, чем Пересвет на Челубея, однако обладали глубинным внутренним сходством. Оно выражалось в переизбытке природной жизнерадостности и непреодолимой склонности к скоморошеству. «Наши клоуны», – любовно называли Тугрикова и Голубовского охочие до развлечений коллеги.

Переглянувшись, изобретательные служивые люди распластались по обе стороны железной двери подъезда. Голубовский, оказавшийся ближе к домофону, нервными пальцами столбового интеллигента пробежался по кнопочкам, сделал брови домиком и громко, жалобно мяукнул.

– Твою мать! – подпрыгнул от неожиданности кровный враг саблезубых кошачьих неандерталец Тугриков.

– Цыц! – предостерегающе свистнул ему Голубовский и тут же виртуозно преобразил прозвучавшее междометие в раздраженное кошачье шипение.

– Гав! – неубедительно сказал Тугриков просто так, от себя.

Он еще не понял сценария.

– Мя, мя-а, мийя-ау-у-у! – приседая от натуги, на редкость противным голосом заныл Голубовский. – Мя-а-а! Мь-мя-а-а-а!!!

Впечатленный Тугриков, отказавшись от намерения составить дуэт «В мире животных», с интересом прислушивался.

Домофон страдальчески хрюкнул. Тугриков показал Голубовскому большой палец. Голубовский тонко улыбнулся и на «бис» издал серию душераздирающих звуков, способных превратить в охотников за пушным зверем армию убежденных гринписовцев.

– Поразвели тут четвероногих друзей, зоофилы чертовы! – сердито проворчал сонный бас, до краев наполненный тоской по оставленной теплой постели. – Благодетели, блин, флоры и фауны! Пенсионеры, вашу мать!

– Мау-а-ать! – на хорошем кошачьем издевательски поддакнул ему Голубовский.

– Слышали, Шмультсоны? В последний раз вашего мурзика запускаю! Не научится по ночам дома сидеть – быть ему меховым ковриком! – бешено прорычал домофон.

Пискнуло, заныло, щелкнуло. Коварно ухмыляющийся Тугриков потянул на себя открывшуюся дверь. Голубовский в последний раз шкодливо мявкнул и следом за товарищем вошел в подъезд.

Нужная квартира располагалась на втором этаже. Справа от двери, под звонком, помещалась начищенная бронзовая табличка с гравировкой: «Проф. В.В. Полонский».

– Приятно иметь дело с культурными людьми! – порадовался Голубовский, длинным крепким пальцем продавливая кнопчку звонка в глубь кирпичной кладки. – Откройте, мия-а-а... Тьфу! Милиция!

– Господи, боже мой! Ироды! Антихристы! Опять! – бессильно заплакала Нонна Игоревна Полонская, скорбными материнскими всхлипами вызывая у «иродов» смутное чувство классовой вины. – Не виноват мой мальчик ни в чем, не виноват! Не было никакого изнасилования!

– Изнасилования, может, и не было. А как насчет убийства? – не без сочувствия к материнскому горю пожал плечами Тугриков.

Всеволод Полонский, сухощавый и стройный, как молодой тополь, выступил из спальни, вздрагивая гладким подбородком и горделиво запахивая бархатный халат со стеганым шалевым воротником.

– Гражданин Полонский Всеволод Константинович? – с тихой радостью кошки, узревшей перед собой беззащитную мышь, спросил Голубовский. – Вы бы переоделись во что попрличнее.

– На выход! – с намеком предупредительно подсказал Тугриков.

Шевельнув кадыком, Всеволод Полонский безмолвно развернулся, ненадолго скрылся в комнате и вскоре вновь появился в прихожей. Нонна Игоревна, во время его отсутствия успевшая страдальческим шепотом выдать «иродам-антихристам» самую положительную характеристику на сына, глотая слезы, трясущимися руками помогла ему застегнуть запонки на манжетах свежей белой сорочки, поправила узел галстука под воротником, поцеловала в лоб и перекрестила.

Изящный, как испанский тореадор, Сева грациозно перевесил с плечиков на себя кашемировое полупальто, втиснул высокое чело в плюшевую кепку, зашнуровал кожаные туфли и подхватил с трюмо замшевые перчатки.

– Я готов, – высокомерно сообщил он, брезгливо кривя породистый профиль.

– Я думаю, обойдемся без наручников? – посоветовался с коллегой Голубовский, иронично поглядев на благообразного придурка, отправляющегося в казенный дом при полном параде.

– Ясен пень! – согласно хмыкнул Тугриков.

Под тихие и безнадежные причитания убитой горем Нонны Игоревны опера и подконвойный Полонский вышли из квартиры и затопали вниз по лестнице.

Впереди, развернув плечи свободно и гордо, как вольнонаемный атлант, легким шагом человека, не обремененного укорами совести, шагал красавец Всеволод. Он тихо насвистывал арию тореадора из оперы «Кармен». Малообразованный в музыкальном плане Коля Тугриков расхожий мотив не узнал, но задорное настроение оценил и уважительно шепнул Пете Голубовскому:

– А парнишка-то фасонистый!

Голубовский, также впечатленный демонстрацией столь редкой силы духа, только прищелкнул языком и тоже расправил плечи, дабы не посрамить и соответствовать.

Опера не могли знать, что фасон за Севу в данный момент держит эффективное средство иностранной фармацевтической промышленности, прописанное доктором Нонне Игоревне Полонской, страдающей тяжелой формой артрита. Любящая маменька с вечера напичкала побитого Севу таблетками, от которых он стал легким и веселым, как наполненный гелием воздушный шар. При этом могучий разум штатного креатора рекламного агентства «МБС» ничуть не затуманился и работал, как кремлевские куранты, только бесшумно.

Небрежно помахивая зажатými в кулаке перчатками, Полонский легчайшей поступью человека, превентивно истребившего всякую угрозу здоровью своего опорно-двигательного

аппарата, спускался по ступенькам и сосредоточенно думал о побеге из-под конвоя. Подходящий случай представился ему сразу за бронированной дверью подъезда.

Случай имел малосимпатичный вид облезлого уличного кота невзрачной темной масти, идеальной для маскировки на асфальте и грязном бетоне. Кот, не имеющий ни имени, ни дома, устроился на ночлег прямо на ступеньке крыльца. Открывшаяся металлическая дверь его не потревожила, потому что нечувствительно прошла выше, над насупленной усатой-полосатой башкой, а вот легконогий Сева неожиданно для себя и для придремавшего матроскина вступил в плотный контакт с протяженным кошачьим телом. Он запнулся, ругнулся и кубарем покатился с высокого крыльца.

– Мь-мя-а-а-а! – во всю глотку взвыло оскорбленное животное, вынужденно улета с крыльца во двор по низкой дуге.

– Шмультсоны! – знакомым голосом возмущенно взревел домофон. – Божьи одуваны! Уймите свою тварь!

– Не смейте нас оскорблять! – тонким козлиным голосом выкрикнула скрипучая форточка на втором этаже.

Эхо с готовностью понесло по колодцу двора последний сомнительный слог.

– Чего-чего? Вы еще и материться будете?! – неприятно изумился домофон.

– Бум! – громко подтвердил Полонский, достигший в падении асфальтированного двора.

– Ий-я-а-а-а! – завершая недолгий полет, кот с боевым криком каратиста боднул иномарку, любовно припаркованную в круге света от одинокого фонаря.

– У-а! У-а! У-а! У-а! – гигантским припадочным младенцем заревела машина.

Кособоко перепрыгнув с автомобиля на дерево, перепуганный кот закачался на ветке. С дробным стуком посыпались на землю спелые грецкие орехи.

– А ну, кто там дерево трясет, хулиганье, ворюги, вы этот орех сажали, поливали, растили, дармоеды?! – с полоборота завелась местная старожилка баба Клава, в попытке различить во мраке подлых негодяев опасно перегибаясь за подоконник.

Четко отреагировав на ореховый град, завопила вторая машина.

Из открывшегося окна слева от подъездной двери на шум выглянула синюшная складчатая морда. Увидев ее в тревожном свете ритуальной тыквы, старожилка баба Клава хрипло ахнула и мягко упала назад, в комнату.

Хрустнула пластиковая рама. Треснув оборванной занавеской, на балкон выскочил бритоголовый мужик в трусах и с пистолетом.

– Стой, стрелять буду! – страшным голосом прокричал он и тут же неприцельно пальнул в созвездие Стрельца.

Стрелец не принял вызов, но специально обученные люди, опера Тугриков и Голубовский, отреагировали как надо: шумно залегли в кустах у крыльца и из-под ненадежного прикрытия мусорной урны велели психованному стрелку немедленно бросить оружие.

Это справедливое требование было сформулировано в элементарных матерных выражениях, однако понимание сказанного дезориентированному и в высшей степени взвинченному автовладельцу затруднил виртуозный дуэт противоугонных сигнализаций.

Второй выстрел в небо больно ранил Малую Медведицу, после чего Тугриков и Голубовский тоже по разику шмальнули в звездные выси, авторитетно пообещали отправить в царствие небесное самого мужика в трусах и вызвали подкрепление.

Домофон, не тая неприятного изумления, возбужденно сообщил некой Маринке, что во дворе, кажись, бандитские разборки, и велел всем лечь на пол.

Неизвестно, входил ли в категорию «все» безымянный дворовый кот, но именно он с подкупающей готовностью рухнул на «пол», угодив на согнутую спину Тугрикова.

Рука опера, не ожидавшего коварного нападения с тыла, дрогнула, и разбитое шальной пулей стекло чердачного окна тонко, жалобно вскрикнуло. С мелодичным плачем посыпались вниз колкие стеклянные слезы.

– Миня! – истерично завизжали на четвертом этаже у Шмутьсонов. – Миня, это шо – погром?!

Гадко заругался осыпанный осколками мужик в трусах. С новой силой взвыл бедный матроскин, получивший пинка от рассвирепевшего Тугрикова. Через квартал от дома тревожно запела, приближаясь, милицейская сирена.

Всеволод Полонский расправленным плечом атланта разбил ближайшее подвальное окошко и ужиком скользнул со двора в не используемое по прямому назначению бомбоубежище. Он легко пробежался по катакомбам, каждый поворот которых был ему знаком с детских лет, и через подсобку круглосуточно работающего продуктового магазина вышел на улицу. Дежурная продавщица, сомнамбулически дремлющая у мирно квакающего телевизора с початой бутылочкой пива, проводила проследовавшего мимо нее Севу затуманенным взглядом и вопросительно икнула, но он только безмолвно отсалютовал ей испачканными перчатками и был таков.

Голова у Полонского была легкая, как одуванчик, и работала, как часы с кукушкой. Воображаемая птичка на вопрос «Кукушка, кукушка, сколько мне на свободе жить осталось?» саркастично кукнула полразика, и Сева понял, что у него есть минут тридцать, не больше. Если за это время он не уберется куда подальше, куковать ему за решеткой в темнице сырой долго-долго!

Мимо, светясь окошками, точно хэллоуинская тыква прорезями, прогрохотал пустой трамвай. Опасаясь запомниться скучающему кондуктору, Сева остерегся пользоваться общественным транспортом. К счастью, голова у него работала, как часы со встроенным компасом. Полонский безошибочно определил кратчайшее направление к вокзалу и двинул к нему пешим ходом через парк.

Стайка весело хохочущих привидений в долгополых белых балахонах налетела на него под заповедным дубом. Сева наотрез отказался включиться в хоровод, но нахлобученную на него картонную маску принял с благодарностью.

В темных аллеях и на прилегающих к парку улицах то и дело встречались ведьмы, зомби и оборотни. Большая группа на диво жизнерадостных inferнальных существ обнаружилась непосредственно на вокзале.

Юные черти и чертовки с сигаретками нетерпеливо били копытами у чадающего автобуса, на подножке которого дергалась сердитая тетка в шиньоне, украшенном островерхой газовой шляпой с мишурой по краям. «Одиннадцать! Двенадцать! Тринадцать!» – нервно выкрикивала она, по одному затягивая курильщиков в недра автобуса, где кто-то в тему наяривал на гитаре: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца! Йо-хо-хо! И бутылка рома!»

Упомянутая бутылка ходила по кругу, в багажный отсек низко присевшего автобуса, весьма похожего на переполненный сундук мертвеца, без разбору загружались рюкзаки и скатанные в рулоны спальные. На лобовом стекле транспортного средства, закрывая табличку с указанием маршрута, трепетал бумажный лист с нарисованными костями и черепом. Водитель моторизованного сундука окостенело, как череп, улыбался и давил на клаксон с отчаянием монаха, готового разувериться в очистительной силе колокольного звона.

– Да садитесь вы уже, черти! – закричала сердитая тетка, за шкуру забрасывая в автобус вертлявого белокурого бесенка на шестидюймовых каблучках.

Всеволод Полонский выжидательно остановился вблизи шабаша и пристально посмотрел на главную ведьму сквозь круглые дырочки в маске черного кота.

– А ты чего встал?! Особого приглашения ждешь? Шевелись! – гаркнула на него злая фея.

Сева не заставил себя упрашивать и занял свободное место в автобусе. Через минуту сзади по рядам к нему приплыла неоднократно воспетая бутылка рома. Сева снова не стал упрячиться и сделал большой глоток. Легендарный напиток имени пятнадцати мертвецов усилил волшебное действие мамулиных таблеток, и Всеволод почувствовал себя живее всех живых.

– Вот вам! А это вы видели?! – злорадно сказал он проплывающему за окном городскому пейзажу и скрутил из пальцев тугую фигу.

– Мы едем, едем, едем в далекие края! Хорошие соседи, веселые друзья! – запели буйные черти.

– Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везем с собой кота! – в полном восторге подхватил спасенный Полонский, в темном салоне подняв на взмокший лоб картонную кошачью маску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.